

ПОДХВАЧЕННАЯ ЭСТАФЕТА

ФРИДРИХ ВОЛЬФ отправился на отдых в Баварские Альпы. Там его и застала весть о поджоге рейхстага. Друзья предупредили, что возвращаться домой опасно: начались позальные аресты антифашистов. И, как был он в спортивном костюме, так и ушел на лыжах в Швейцарию. Да, опасаться ареста у него были все основания. Его «скандальные» песни, поднимавшие самые острые социальные вопросы, его театральные сатирические обозрения и, наконец, сам факт, что он, популярный врач, вступил в 1925 году в КПГ, были для фашистов более чем достаточным основанием, для его перемещения из небольшого домика в Штутгарте в один из концлагерей.

Швейцарские коммунисты помогли жене Фридриха Вольфа и его детям переехать к мужу. Конраду было тогда 9, Маркусу—11 лет. Братья хорошо помнят, как они сожгли перед отъездом отцовские записки, наброски произведений, все, что могло стать материалом для обвинения. На другой день фашистские молодчики размалевали их брошенный дом сажей и краской.

С тех пор прошло почти сорок лет. Фридриха Вольфа изучают сегодня в Германской Демократической Республике как классика предвоенной немецкой литературы и в школах, и в университетах. Его пьесы идут в театрах ГДР. Некоторые из них экранизированы киностудией ДЕФА. Одну — «Профессор Мамлок» — поставил в кино его сын Конрад Вольф. Он теперь известный режиссер, за кинофильм «Гойя» удостоен высокой награды VII Международного кинофестиваля в Москве. Конрад Вольф — президент Немецкой академии искусств в Берлине.

Старший сын Фридриха Вольфа — Маркус был едва ли не самым известным в послевоенные годы политическим комментатором на радио. Теперь он — генерал-лейтенант вооруженных сил ГДР.

Фильм Конрада Вольфа «Мне было девятнадцать», который хорошо знают

советские зрители, во многом автобиографичен. 19-летним лейтенантом Советской Армии вернулся Конрад в Германию весной 1945 года. На офицерской гимнастерке несколько наград — за форсирование Днепра, за участие в знаменитой белорусской операции «Багратион», за сражение на подступах к столице фашистского рейха.

— Берлин я впервые увидел в начале мая 1945 года, — рассказывает Конрад Вольф. — До этого не приходилось. Я увидел город в развалинах. Это меня не слишком потрясло. Сколько до этого я видел разрушенных советских городов! Мне нужно было пробраться с одного конца только что освобожденного и еще дымящегося города на другой. Проехав на машине было невозможно. Я пошел пешком по осевой линии, разрезавшей когда-то Берлин на запад и восток. Но даже по этому когда-то широкому проспекту, перелезая через обломки, я пробыл почти целый день. Карабкался и думал: черт возьми, какая странная картина! Немец в гимнастерке советского офицера на развалинах фашистского райха!

...Мы беседуем с Конрадом в его рабочем кабинете в большом новом доме на Либкнехтштрассе. В широкие окна его квартиры хорошо виден преобразивший, обновленный Берлин: прямо перед окнами — новый комплекс с цветниками и фонтанами вокруг Красной ратуши и телевизионной башни. Чуть правее — нарядная Маркс-Энгельс-плац, а левее — элегантный Алекс, за которым совсем еще молодая площадь Ленина.

— Начало было нелегким, — продолжает Конрад, закуривая трубку. — Развалины были не только в городах, но и в душах людей: горе, подавленность, неуверенность в будущем. Прежде, чем строить новое, нужно было освободить место от обломков старого. Меня посл-

ли работать в газету. Потом я занимался вопросами культуры. Брат работал на радио, был пропагандистом и комментатором. Отец занимался и политикой, и литературой, и медициной. Когда в 1949 году было образовано наше рабочее-крестьянское государство, партия направила его чрезвычайным и полномочным послом в Варшаву. Это был очень важный участок политической работы, если учесть, какое «наследие» осталось немцам от фашизма, порабовавшего и угнетавшего народы Восточной Европы. Отец проработал там около трех лет, не прекращая своей писательской деятельности.

У отца была крепкая дружба с Всеволодом Вишневским и Борисом Лавреневым. Может быть, оттого, что все трое писали пьесы о военных революционных

моряхах. Всеволод Вишневский очень помог отцу, когда мы в 1934 году приехали жить в Советский Союз. После войны, уже работая в Берлине и Варшаве, отец не раз ездил отдыхать в Москву к своим друзьям.

Конрад раскуривает потухшую трубку. А я, пользуясь этой минутой, оглядываю его книжную полку. Шесть томов Сергея Эйзенштейна. Толстая книга о Чаплине. Подборка советских журналов «Искусство кино», киносценарии студии ДЕФА.

В картине «Мне было девятнадцать», снятой на студии ДЕФА, много из того, что пережил лейтенант Вольф в конце войны, сражаясь уже на территории Германии. Между прочим, и его старший брат в это время тоже сражался в рядах Советской Армии. Конрада русские друзья звали тогда «Коля», а Маркуса — «Миша». Так они называют братьев и поныне. И Вольфы гордятся

своими фронтовыми именами ничуть не меньше, чем орденами.

«Мне было девятнадцать» — фильм, имевший большой успех у молодежи ГДР и вызвавший бурную дискуссию среди молодых людей Западной Германии.

БОЛЬШАЯ цветная кинокартина «Гойя», которую уже посмотрели миллионы людей, тоже имеет прямое отношение к жизни самого Конрада Вольфа. Это не просто рассказ о мятежном испанском художнике, творившем полтора десятилетия назад, а попытка ответить на вопрос о значении художественного творчества в прогрессе человечества, о месте мастера в политической, классовой борьбе.

— После окончания московского ВГИКа, — продолжает Конрад Вольф, — я ни на один день не прерывал связи с советским киноискусством, с советской культурой. Я пристально слежу за новинками экрана, литературы, те-

атра. И когда у нас на ДЕФА встал вопрос о совместной постановке картины «Гойя» со студией «Ленфильм», я уже знал, кто может и должен сыграть главную роль в фильме — Донатас Банионис.

Я оценил большой талант этого актера, посмотрев картину «Никто не хотел умирать». Когда Банионис приехал к нам в Берлине, я был вдвойне счастлив, узнав, какой это скромный, трудолюбивый и сильный человек. У нас обнаружился общий стиль, единое понимание. Мы очень доверяли друг другу, и работало нам легко, несмотря на большой труд. Вокруг исполнителя главной роли возник гармоничный ансамбль артистов из семи стран.

У президента Немецкой академии искусств в Берлине главные заботы связаны сейчас с важнейшими задачами, которые выдвинул перед работниками культуры VIII съезд СЕПГ.

— Правительство предлагает академии: давайте ваши конкретные предложения. Особое внимание уделяется таким проблемам, как эстетическое воспитание детей в школах, подготовка творческих работников в высших учебных заведениях, создание новых учебников. Мы самым внимательным образом изучаем советский опыт и всегда готовы поделиться своими соображениями, задумками с советскими друзьями.

Л. СТЕПАНОВ,
соб. корр. «Известий».
БЕРЛИН, июнь.

ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ

КРУПНОЕ СОБЫТИЕ В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
СЫН ПРОДОЛЖАЕТ ДЕЛО ОТЦА
МИР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ